

М. А. Гераскин.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ
РУССКОГО
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

С б о р н и к V

Памяти В. А. Жуковского

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1960

С. М. ШАПШАЛ

ВАЛЕНТИН АЛЕКСЕЕВИЧ ЖУКОВСКИЙ

Впервые я встретился с Жуковским в 1894 г. на Факультете восточных языков Петербургского университета, где он преподавал студентам персидский язык и литературу.

Во время лекций Валентин Алексеевич редко находился на кафедре: он присаживался на первой скамейке, рядом со студентом, и по одной книжке с ним следил за правильным чтением персидского текста. Лишь время от времени он вставал, подходил к доске и писал те или иные слова, объясняя их корни, значение и пр. Студенты также запросто беседовали с ним, задавали многочисленные вопросы. Случалось, что иной раз Жуковский затруднялся дать ответ на вопрос. Тогда он просил отложить беседу до следующего раза, с тем чтобы дома ознакомиться с соответствующей литературой. Может быть, это обстоятельство и послужило поводом к тому, что на одном собрании, воздавая дань благодарности бывшим своим учителям, он сказал, что многому научился не только у них, но и у своих учеников-студентов.

Окончив университет в январе 1901 г., я получил по рекомендации Жуковского назначение в Табриз, где должен был преподавать русский язык. Находясь в Персии, я вел с ним переписку. В одном из своих писем Валентин Алексеевич просил меня выяснить, что означает в разговорном языке иранцев слово *шамайль* (множественное число от арабского слова, означающего — врожденное свойство, качество, характер, достоинство). Мне удалось узнать, что так называются художественные изображения мусульманских святых. Никто из тогдашних ориенталистов, в том числе и Жуковский, никогда не слышали о существовании мусульманских икон. Несмотря на все старания, мне долгое время не удавалось увидеть эти иконы, так как местные мусульмане держат их закрытыми густой кисеей в особых нишах, устроенных в одной из стен дома.

Однажды в Табризе, находясь в доме своего приятеля-пер-

са, благодарного мне за оказанные ему услуги, я был введен в комнату, где раньше никогда не бывал. Там я заметил нишу с прислоненной к ней рамой, покрытой густой кисеей. Я спросил хозяина дома, что это за предмет, покрытый кисеей. Он подошел к нише, прошептал краткую молитву, снял покрывало, и я увидел изображение мужчины, сидящего на волосяной шкуре и держащего на коленях меч с раздвоенным концом. Вокруг его головы был нимб, как и на христианских иконах. По форме меча я догадался, что это изображение Али. Хозяин дома подтвердил мою догадку.

Я сразу же написал об этом Жуковскому. В ответ он усиленно просил меня во что бы то ни стало раздобыть такую икону. Но в Табризе я так и не смог приобрести икону, хотя со многими местными жителями дружил.

Будучи в Тегеране, я совершенно случайно, проходя мимо одного антикварного магазина, в окне увидел завешенную сверху донизу картину. Слегка отогнутый кончик покрывала позволил мне увидеть очертания колен и лежащий на них меч с раздвоенным концом — «эюль-фикар», доставшийся Али, по преданию, от самого Мухаммеда. Я сильно сомневался, продаст ли хозяин магазина чужестранцу мусульманскую икону. Но моя барашковая шапка персидского покроя и знание персидского языка не делали меня похожим на «ференги», т. е. европейца. Я заговорил с хозяином магазина так, как обыкновенно говорят мусульмане, покупая экземпляр Корана. Дело в том, что спрашивать, сколько стоит Коран, нельзя, так как это является богохульством. Поэтому, войдя в магазин, я задал вопрос: «Что я должен подарить Вам в обмен за уступку мне иконы?» Мне ответили: «20 туманов» (40 рублей на тогдашние русские деньги).

Немедленно я сообщил о своем приобретении Жуковскому, и он с нетерпением ждал моего приезда в Петербург. Вернулся я только осенью 1908 г., к тому времени купив еще несколько икон, причем на некоторых из них, кроме самого Али, были изображены и два его сына — Хасан и Хусейн — внуки Мухаммеда. Иконы с открытым лицом Мухаммеда мне не приходилось видеть, так как он всегда изображался с завуалированным, как у мусульманских женщин, лицом. Имеются также иконы с изображением коня «Аль-Барак», на котором, по мусульманской легенде, Мухаммед улетел со двора храма Соломона на небо.

По возвращении в Петербург я поступил на службу в III (политический) отдел Министерства иностранных дел и стал преподавателем Учебного отделения восточных языков (при

том же министерстве), директором которого в то время был Жуковский. Кроме того, меня зачислили штатным преподавателем турецкого языка в университете. Таким образом, я очутился под непосредственным руководством Валентина Алексеевича. Ежедневное общение с ним позволило мне узнать его еще ближе.

В министерство поступали консульские донесения из Турции, Ирана, Индии и стран Дальнего Востока, содержавшие много интересных сведений. Жуковскому в 1912 г. пришла мысль основать особое Общество русских ориенталистов с привлечением служащих министерства и преподавателей восточных языков университета. Сам Жуковский официально не числился среди руководителей общества, но через своего сына Сергея Валентиновича, секретаря общества, и пишущего эти строки — товарища председателя неустанно принимал участие в редактировании издаваемого обществом ежегодника «Восточный сборник». В том же году вышли в свет два тома сборника (с началом первой мировой войны издание прекратилось).

Административные должности декана в университете и начальника Учебного отделения восточных языков отнимали, видимо, очень много времени у Жуковского, мешая ему непосредственно заниматься научной работой. Он показывал мне кипу ненапечатанных своих трудов, которые он не успел окончательно обработать.
